

Слово «немой» будто нажало на какой-то рычаг. Лицо Шао Ицяня на две-три секунды исказилось странной гримасой. В такой атмосфере, словно «Ветер воет и воды И холодны», он очень странно рассмеялся.

Янь Янь был озадачен, но речь нужно было продолжать:

— Знаю, тебе на душе не спокойно...

Шао Ицянь оттолкнул его, оставив безопасную дистанцию, и продолжил:

— Хватит строить из себя большого начальника. Это мой родной дед, не какой-нибудь Чжан Сань или Ли Сы. Пусть я ранимый, и что с того?

Янь Янь наклонил голову:

— Ничего. В худшем случае найду пластырь и заклею, а если не поможет, у сапожника возьму тюбик суперклея и склею. Давай так: одна неделя, максимум одна неделя. Я помогу тебе скрыть это от тётки. Ты где хочешь там и дичишь, но через неделю ты вернёшься. Ладно?

Шао Ицянь подумал: этот способ вроде неплох. Одна неделя. Если сможешь принять реальность — примешь, если нет — всё равно придётся принять. Он кивнул и сказал:

— Ладно. А сможешь скрыть?

Янь Янь усмехнулся:

— Тебе переживать?

Он подумал, протянул мизинец и сказал:

— Твоего доверия ко мне нет вообще. Давай поспорим: кто соврёт, тот будет...

Шао Ицянь с одной стороны считал, что он был ребячливым не на шутку, и ему было очень смешно, а с другой — очень сознательно протянул палец и сцепил с его:

— ...внуком. Закончил отчитывать? Довольно-таки приятно излить душу, мой хозяин?

Янь Янь специально хотел его позлить, очень сильно закивал:

— Вполне.

Шао Ицянь развернулся, махнул рукой и свистнул хулиганским свистом:

— Пока...

Он ещё не успел сказать «пока», как почувствовал, что кто-то наступил на его пятку, а потом толкнул в спину, заставив его сделать рывок вперёд и сняв с его ноги ботинок целиком.

Он обернулся с раздражением:

— Ты закончишь когда-нибудь? Я терплю тебя только потому, что ты называешь мою бабушку тёткой, а ты взял куриное перо и стал держать его как стрелу полководца!

Янь Янь улыбнулся, показал зубы, прижал ботинок к себе и зашёл в дом:

— Подожди минуту, боюсь, что ты сбежишь.

Шао Ицзянь:

— ...

Он постоял немного на одной ноге, «золотой петух». Янь Янь снова вышел, держа в руках большой пакет:

— Вот одежда. Поторапливайся, сваливай.

У Шао Ицзяня левое веко подёргивалось. Он не отрываясь смотрел на пакет с одеждой долго, не брал. Ему казалось, этот парень слишком волшебен: убивает и хоронит, провожает Будду на Запад. Потом почему-то он вдруг не мог вспомнить, что делал сегодня. Эй... кажется, в какой-то глуши, где курица не несётся и собака не ценится, целый день рубил монстров.

Потом... ему было стыдно признаться, где он сегодня прятался. Его совесть, которую кусали собаки раз-два, снова возродилась. Другими словами, он считал, что весь день занимался не очень красивыми делами... если сравнивать с этим парнем.

Янь Янь подумал, что тот винит его за то, что он потревожил бабушку Шао, и слегка объяснил:

— Я собрал для тебя. Тётя спит, не знает.

Шао Ицзянь посмотрел на него немного, вдруг сказал:

— Утреннее дело, ха, то самое... да?

Янь Янь холодно усмехнулся:

— Меньше слов, дай сюда свою копыто.

Шао Ицзянь с одной стороны удивлялся: «Блин, этот ребёнок всё же умеет холодно усмехаться», а с другой очень послушно протянул руку.

И тогда...

— Блин! Ты что, собака?!

— Очень извиняюсь, я тибетский мастиф.

— ...

Семь дней пролетели быстро. Шао Ицзянь, как и обещал, вернулся с прогулки.

Как раз было воскресенье. Янь Янь утром, используя и мягкость, и жёсткость, с упорством затащил бабушку Шао во двор и заставил её пройти пару кругов, чтобы старушка размяла кости. Став вдовой, эта старуха стала всё ленивее руками и ногами, весь день обнимала телевизор и слушала оперу, никуда не ходя.

Если говорить о том, насколько эта новая и старая вдова стала ленивой, можно сказать так: если бы дом вдруг трянуло три раза, в маленькой деревне землетрясение, старушка, наверное, стала бы прикидывать, какая это магнитуда. Ниже пяти баллов — твёрдо как скала, выше пяти — проводить ли стратегическую эвакуацию, зависит от настроения.

Поэтому Янь Янь потратил немало слов, то мило щебеча, то капризная, полутра утра.

Когда он подметал двор, за воротами послышался голос раннего торговца, идущего по улицам и продающему тофу. Янь Янь бросил метлу в руки и побежал открывать большие ворота. Продавца тофу было слышно, но не видно, зато снаружи ввалился какой-то неизвестный инопланетянин.

Этот инопланетянин был замотан от глаз до пальцев ног, плотно, без единой щели. Единственные открытые глаза тоже досталось — они опухли до двух больших грецких орехов — тех, что с тонкой кожицей, большим размером и полной мякотью. Его узкие глаза были раздуты в круги, изящный изгиб уголков глаз исчез отёками.

Всё его тело было ненормально раздутым. Из воротника виднелись слои одежды: поверх нижней белья наклеена рубашка, на этом снова слой нижней. Глядя на штаны, где тоже были борозды и впадины, можно было догадаться, что внутри там тоже не мало чего было.

Ого, явно вырвался на тысячу лет один раз, чтобы погулять. Смотря на этот вид, кажется, только если скажешь, что он ходил собирать макулатуру, кто-нибудь и поверит.

Янь Янь:

— ...

За эти несколько дней, когда Шао Ицян скитался, пришёл холодный поток, температура упала очень заметно. Но в тот день он в спешке схватил только две пары тёплого белья, без тёплой одежды. Поэтому Янь Янь ставил полный балл за метод Шао Ицян: ни стилия, ни тепла не сберёг.

Этот человек, казалось, не спал семь дней и семь ночей. В среднем каждые два шага он зевал, после зевка вытягивал палец и стирал непонятные выделения из уголка глаза. Когда шёл, шаги были плавающими, качался влево-вправо, очень тяжело балансируя на границе падения и стояния. Везде, где он проходил, поднимался вихрь сложного запаха: сверху — запах дыма, в середине — лапша быстрого приготовления, сзади — запах плесени. Этот сложный запах привлек большую группу новых членов семьи прийти осмотреть —

В будке Пса «шур-шур-шур» выстроился ряд маленьких голов. Котята один за другим выставляли тонкие шейки, которые можно было сломать пальцем, и отдавали честь «чужаку» издалека. Смотрели, как он входит от ворот до двери в дом, затем особым образом квинтетом «мяу» пять раз, выразив высочайшее почтение.

Говорят, мать в чести — дети в почете. Пёс, свернувшись в кошачьей будке, вообще не шевелился, кошачьим глазом косился на него и снова закрывал глаза, отдыхая.

Шао Ицян было не до того, чтобы учить Пса уму-разуму. Он толкнул дверь, упал на кровать и со скоростью света вошёл в фазу быстрого сна. Его руки и ноги были согнуты буквой «чжи», выглядело очень неудобно, однако...

Дыхание у «пострадавшего» уже стало длинным и спокойным.

Бабушка Шао нахмурила брови, хотела сказать, но остановилась. Рука бессознательно схватила лежащую рядом чесалку для спины. Выглядело так, будто она собиралась по старой привычке отшлепать Шао Ицян. Но её взгляд через окно скользнул по спине Янь Яня, пальцы застыли в спазме, и она положила чесалку обратно.

Вид Шао Ицяня с душой на том свете и телом здесь — наверняка эти несколько дней он опять где-то нацепил кучу перьев.

Ложь, которую Янь Янь состряпал для неё пару дней назад, была очень правдоподобной: «Шао Ицянь очень расстроен, поймал попутку и поехал в город к Чэнь Мэну, чтобы выплеснуть злость». В любом случае с попутчиком не разберёшься, что да как. А если прямо спросить Чэнь Мэна, эти двое с детства штаны на одной лямке носили, даже если пальцы сломаешь, придумают, чтобы поддержать эту ложь.

Бабушка Шао задержала дыхание, собираясь посмотреть, какой же именно союз эти двое заключили за её спиной. За какие-то несколько дней два боба стали соучастниками?!

Это ненормальное развитие!

Бабушка Шао изначально надеялась, что Янь Янь послужит примером для Шао Ицяня. Ведь у сверстников общего больше. Истины, которые взрослые заливают в уши, не так эффективны, как пример, установленный ровесником на личном опыте. Но она упустила одну вещь: такой отличный ребёнок, как Чэнь Мэн, перемешавшись в мутной воде Шао Ицяня, не смог его прояснить. Теперь ушёл один Чэнь Мэн, пришёл один Янь Янь — и сможет ли он прояснить?

<http://bllate.org/book/16843/1549718>